

БОРЬБА

КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Т. РЫСКУЛОВ

ТУРКЕСТАН И КАЗАХСТАН (1905—1907 годы)

П. ЕФРЕМОВ

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА
НАЧАЛА XVII в.

И. ШАХНАЗАРОВ

„ПЯТНИЦЫ“ ПЕТРАШЕВСКОГО

Я. МАЙОФИС

ПЕРВОЕ МАЯ 1890 г. В ГЕРМАНИИ

Ф. ШУЛУНОВ

БУРЯТСКИЕ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В БУРЯТ-МОНГОЛИИ

В. ШМИДТ

У ИСТОКОВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

К. ГЕЙНЦ

МАРТОВСКИЕ БОИ 1921 г. В ГЕРМАНИИ

В. СЕРГЕЕВ

ХРИСТИАНСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ

И. АРСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В XV в.

Ф. ЭНГЕЛЬС О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА И РАЗВИТИИ БУРЖУАЗИИ

БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК

веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

МАЙ
1936

№

5

Владимир Сергеевич Сергеев

(1883 - 1941)

доктор исторических наук,
профессор Московского университета,
автор первых учебников для вузов по истории античности

ХРИСТИАНСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ

1

Христианство зародилось в первом столетии нашей эры, в период кризиса Римской республики и образования Империи. Последнее столетие Римской республики в первом веке до нашей эры ознаменовано глубоким социально-политическим кризисом и гражданской войной, следствием которых была замена рабовладельческой республики рабовладельческой империей, представлявшей собой единую мировую средиземноморскую державу. Начался новый этап в истории античного (средиземноморского) мира. Империя была политической надстройкой нового соотношения классовых сил в бассейне Средиземного моря, которое было охарактеризовано Энгельсом следующим образом:

«Население (Римской империи.— В. С.) все больше и больше разделялось на три класса, составленные из самых разнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было немало вольноотпущенных рабов (см. Петрония), крупные землевладельцы, ростовщики или то и другое вместе, вроде дяди христианства— Сенеки; неимущие свободные,—в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях им предоставлялось самим заботиться о себе, наконец, огромная масса рабов. По отношению к государству, т. е. к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона обычным явлением стало, что богатых

римлян приговаривали к смерти для того, чтобы захватить их состояние... в провинциях были еще крестьяне — свободные землевладельцы (местами даже еще с общинным владением) или, как в Галлии, в кабале у крупных землевладельцев. Этот класс всего меньше был затронут общественным переворотом: он религиозному перевороту сопротивлялся всего дольше¹. Наконец— рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака; при этом большинство их были некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них должна была еще сохраняться по большей части живая, хотя по отношению к внешнему миру и бессильная, ненависть против условий их жизни»².

Такова социально-экономическая действительность античного мира в I веке нашей эры при первой римской династии Юлиев и Клавдиев. К сказанному надо присоединить еще политическую реакцию, последовавшую за гражданской войной и установлением империи. С установлением императорского режима политическая жизнь Рима совершенно замерла, что еще более усиливало сознание безвыходности положения.

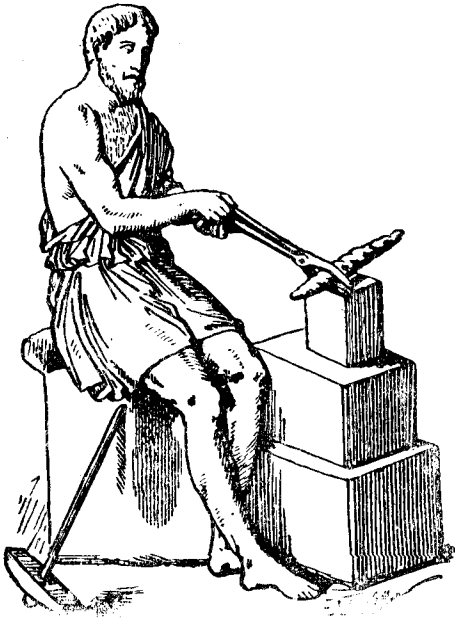
Своей высшей точки политическая реакция достигла в середине I века при Нероне, последнем представителе династии Юлиев и Клавдиев.

В условиях нероновского режима политическая борьба становилась трудной и безнадежной. Правда, восстания и протесты имели место то в одной, то в другой провинции и даже иногда принимали широкие размеры, но все они относительно легко подавлялись.

С отмиранием политической жизни наступало политическое онемение, и общество погружалось в мелкие дела профессионального, личного или семейного порядка.

¹ По Фальмерейеру, еще в IX в. на Майне (на Пелопоннесе) крестьяне приносили жертвы Зевсу.

² Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 18—19. Огиз — Гаиз. 1933.

Кузнец. Рим. Музей в Ватикане.

К замкнутости и отчужденности предрасполагал самый характер античного производства. Производство, построенное на ручной технике и ремесленном труде, не создавало крупных ассоциаций и широких социально-политических связей и интересов. В этом причина распространения в античных обществах, в особенности в Римской империи, всякого рода мелких ассоциаций: коллегий, братств, клубов и т. д.

Кроме того, что круг интересов мелких ассоциаций сам по себе был весьма ограничен, политическая реакция коснулась также и их. Деятельность коллегий и братств ограничивалась узко профессиональными интересами взаимопомощи, погребения и поминок по умершим членам.

Социально-политическая атмосфера была такова, что даже существенные вопросы многим начинали казаться ненужными и обременительными.

Следствием упадочного настроения явился всеобщий пессимизм, от которого одни искали спасения в чувственных удовольствиях, а другие в религиозно-мистических переживаниях и размышлениях.

«Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оста-

вавшиеся еще в живых староримляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; последним из них был Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением, богатством, частными сплетнями, частными интригами»¹.

В идеологии, философии, литературе, поэзии и искусстве социально-политический индифферентизм и пессимизм выражались в перенесении центра внимания с общества на индивида, в культе формы в ущерб содержанию и повышении интереса к эротическим и религиозно-мистическим вопросам.

Соответствующим образом строилась и школа. Политическая реакция отразилась также и на образовании. Образование при империи сводилось или к приобретению некоторых сведений по специальным дисциплинам: праву, медицине, механике, математике и пр. — или же к усвоению формальных дисциплин: риторики, грамматики и диалектики, умению красиво писать, говорить и спорить.

Ни в одной области идейное вырождение не бросается так резко в глаза, как в области философии. При императорском режиме философия превращалась в схоластику, игру понятиями и словесно-логическую эквилибристику. Наступал период новой софистики, литературного мастерства, нарочитой учености и внутренней пустоты.

Реакцией против научно-философского формализма была моралистическая философия, ставившая более серьезные вопросы. Однако в условиях политической реакции моралистическая философия неизбежно перерождалась в религиозную философию и этику. Примером этого может служить стоическая философия Сенеки, сложившаяся в самый жестокий период реакции, в правление Нерона. Философия Сенеки с начала до конца проникнута безнадежным пессимизмом: на современное ему общество Сенека смотрит как на общество

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 19.

испорченных людей, «грабителей, разбойников и прелюбодеев».

Исправить это общество могут только мудрые философы, нравственно совершенные люди. Мудрец должен руководить толпой «моральных дезертиров», целиком погрязших в наживе, корыстолюбии, зависти и наглости, но не должен с ней смешиваться.

У Сенеки имеются морально-философские сентенции, настолько близкие к христианским идеям, что даже возникла мысль о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом и заимствовании его идей.

Не менее силен уклон в сторону религии также в «Рассуждениях» Эпиктета, современника Сенеки:

«Мы — потомки божии. Каждый из нас вправе считать себя сыном бога. ...Человеческая жизнь имеет свое начало и конец в боге... Подобно тому как наше тело родственно вселенной и пока мы живем подвержено влиянию одних и тех же сил, а когда мы умираем, — разлагается на одни и те же элементы, так и душа наша связана с богом и родственна ему, ибо она часть его, часть его существа. Нет такого душевного движения, которого бы он не видел, потому что мы с ним одинаковы по существу. Все сердца раскрыты перед ним, все желания ведомы ему»¹.

Аналогичные мотивы и настроения слышатся в сочинениях и проповедях и других писателей I—II веков — философов-стоиков и -киников². Политическим идеалом большей части этих «народных философов» являлась «про-

свещенная монархия», опирающаяся на нравственную силу. Монарх (басилевс) — «просвещенный и высоконравственный человек» в изображении стоиков и циников — почти утрачивает человеческие черты и превращается в богочеловека, спасителя мира. Вместе с тем разрешение всех социальных проблем передвигалось с земли на небо.

Еще отчетливее религиозный оттенок выступает в мировоззрении низших слоев Римской империи, более угнетенных и менее культурных. Религия — самая примитивная форма идеологии, привычная большинству населения средиземноморской империи, в особенности восточных провинций, — являлась единственной легальной формой, в которой укладывались какое угодно содержание и какие угодно мысли и чувства. Доставлявшая же утешение интеллигентским верхам философия вследствие своей сложности и трудности не доходила до сознания низов. Таким образом, религия являлась последним убежищем всех отчаявшихся, захваченных кризисом и не находивших из него никакого другого выхода.

«...Во всех классах должно было быть известное количество людей, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него духовного освобождения, утешения в сознании, которое спасало их от полного отчаяния... Для того чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступать именно в религиозной форме, как и все то, что должно бы-

¹ Эпиктет «Рассуждения» I, 9, 14, III, 13 и т. д.

² Стоики — представители одного из философских направлений, зародившегося в III веке до н. э., — утверждали, что счастье человека обусловлено не чувственными наслаждениями, а сознанием своей добродетели. Человек добродетельный — истинный мудрец, стоящий выше богов.

Киники (цинники) — последователи философской школы, основанной в начале IV века до нашей эры, — признавали в качестве источника познания только чувственное восприятие, доказывая, что человеку необходимо только удовлетворение основных жизненных потребностей, которое должно происходить в наиболее простой и грубой форме.

Каменотесы. Рим. Музей в Ватикане.

ло захватывать массы, — так это было в ту эпоху и так продолжалось вплоть до XVII в.»¹.

Религиозно-мистические настроения имели место еще при Республике. Даже такие сильные интеллекты как Цицерон и Цезарь и их общий учитель знаменитый философ Посидоний (135 — 50 гг. до нашей эры), склонялись к мистике и религии. Посидоний занимался точными науками: астрономией, математикой, — изучал природу вулканов, знал сферичность земли, дополнил и исправил географа Эратосфена, интересовался этнологией, написал историю рабских восстаний. И вместе с тем Посидоний увлекался астрологией, разделял и оправдывал многие суеверия, верил в магию, питал склонность к восточным культам и допускал поклонение идолам. Примеру Посидония следовали многие просвещенные римляне.

Одновременно с ростом религиозно-мистических настроений подготавливалась почва для слияния иранских, семитских и египетских верований.

На обширном пространстве средиземноморской империи существовало великое множество религий, культов и вероисповеданий. Наибольшее число последователей имели восточные и северные (фракийские) религии, полные мистики и таинственности.

Под римским владычеством старые религии, выросшие в иных социально-экономических и политических условиях, утрачивали почву. Нивелирующая сила Рима обрекала на гибель вместе с политическими областностями провинций также их религии. Отсюда тенденция к созданию единой синкретической религии (культ Изиды, Сераписа, императора).

«Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», — ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам. Но императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию».

Официальная греко-римская религия совершенно утратила свою притя-

гательную силу, превратившись в собрание сухих формул и обычаев.

Большее значение имели «варварские религии». Одной из самых привлекательных сторон «варварских религий» была идея бессмертия и будущей жизни, отсутствовавшая в греко-римской религии. Но ни одна из них не могла стать мировой религией.

Только христианство могло стать такой религией, так как оно, во-первых, отрицало (на первом этапе) всякую разделяющую верующих обрядность и было, таким образом, открыто для всех; во-вторых, нашло объяснение и оправдание всем социальным неурядицам во всеобщей греховности людей, провозгласило равенство людей перед богом (подобно тому как впоследствии эдикт Каракаллы уравнивал все население империи в бесправни); в-третьих, дало успокоение и утешение в идее искупителя; в-четвертых, сулило освобождение в загробном мире, открыло страждущим и обремененным выход из земной юдоли в мир иной.

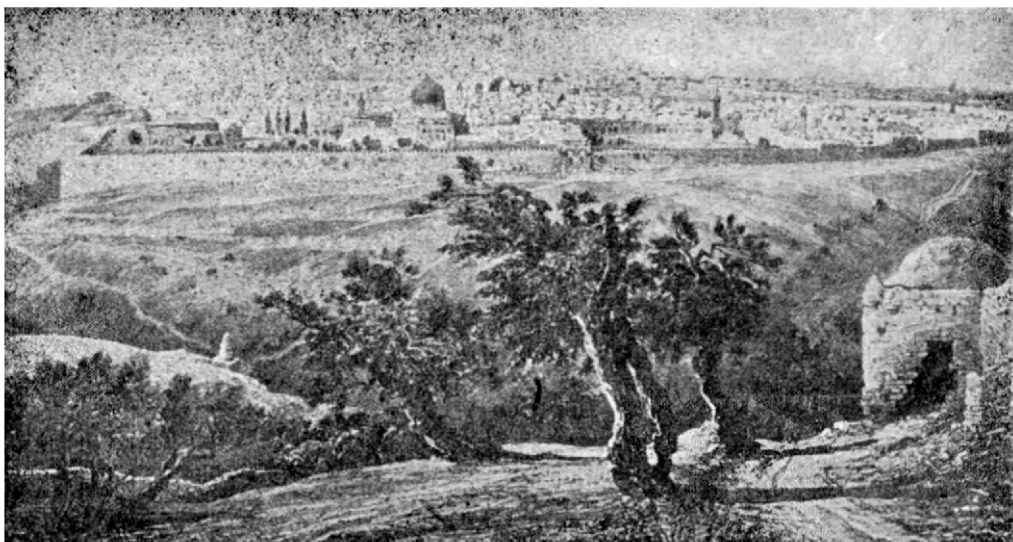
Таким образом, христианство оказалось наиболее «удачным» в тех условиях опиумом для народа.

2

Из всех существовавших тогда религий наибольшее влияние на христианскую религию оказало иудейство. Среди всех остальных религий античного мира иудейская религия занимала особое положение, обусловленное своеобразием иудейской истории. История древнего иудаизма наполнена крупными перипетиями и катастрофами. В VIII веке Израиль подвергся нападению ассирийцев и сделался их добычей, в VI веке Иудея (другое полунезависимое еврейское царство) была разгромлена халдейским царем Набуходоносором — иерусалимский храм был разрушен, часть жителей погибла, около 10 тысяч было переселено в качестве военнопленных в Вавилон.

В конце VI века, после разгрома Халдеи персами, иудеи попали в сравнительно легкую зависимость от персов. Во II веке, когда евреи находились под властью сирийского царства

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 20 — 21.

Общий вид Иерусалима.

С рис. О. Шульца.

Селевкидов, восстание, поднятое Маккавеями против сирийского царя Антиоха Епифана, окончилось победой иудеев и основанием самостоятельного иудейского царства Маккавеев, или Асмонеев (II век). Однако царство Асмонеев, раздираемое внутренними противоречиями, держалось недолго. Оно вскоре подпало под влияние Рима, а в 53 году окончательно было покорено Помпеем. Дальнейшая история Иудеи уже связана с историей Рима.

Критическим моментом в истории отношений Рима и Иудеи была иудейская война (66 — 70 годы), окончившаяся взятием Иерусалима и массовой эмиграцией евреев. Но еще задолго до этого евреи расселились по всему эллинистически-римскому миру, усвоили греческий язык и создали то смешение вульгарной греческой философии с иудейским богословием, из которого вырос христианский монотеизм.

Города Римской империи были полны иудейских эмигрантов, занимавшихся торговлей, ремеслами, денежными операциями, интеллигентскими профессиями и нищенством. Немало среди евреев было также и земледельцев и рабов. Разрушение Иерусалима, как центра революционных брожений, заговоров и восстаний, сыграло решающую роль как в истории Иудеи, так и в истории христианства. Около

этого времени, собственно, и зародились христианство и христианская литература.

Во время существования Иудеи как отдельной хотя и подвластной Риму политической единицы рассеявшееся по всему миру иудейство не порывало связей с Иерусалимом как религиозным центром. Стоявшее во главе иерусалимской общины жречество в мельчайших подробностях регулировало отправления культа и строго следило за исполнением закона и обычаев. Благодаря этому иудейство, разбросанное по всему миру, сохраняло свое единство и не растворялось в пестрой массе народов. Это способствовало и укреплению идеи единого бога всех евреев, постепенно превращавшегося из местного, национального бога в бога всей вселенной. Старинное иудейское название бога — Яхве — постепенно вытеснялось более общими названиями: бог, господь, всевышний, небесный владыка и т. д.

После падения древнеиудейского царства надежды евреев на возрождение древнего царства Давида и Соломона не исчезли, вспыхивая ярким пламенем во время войн, поражений поработителей и внутренних переворотов.

Провозвестниками возрождения «Нового Израиля», или «Нового Иерусалима», являлись пророки.

Древнеиудейские пророчества, свя-

занные с культом Яхве, имели политическое содержание. Пророков было очень много, во время религиозных праздников они выступали целыми толпами с криками, музыкой, пением и плясками подобно современным дerviшам. Хотя наши сведения о древне-еврейских пророках (Амос, Исайя, Иеремия и др.) во многом неисторичны, но важен самый факт существования пророков и пророчеств.

Пророчества проходят через всю историю иудейства. Для истории христианства наибольшее значение имеют более поздние пророчества эллинистической и римской эпохи. Эта эпоха отмечена большим подъемом в области религиозной литературы. К этому времени относятся книги пророка Даниила, «Мудрость Соломона», книга Еноха, «Оракулы Сивиллы», «Апокалипсис Баруха», так называемая четвертая книга Езры и много других.

По своему идеологическому содержанию названные памятники не однородны, но в них имеются некоторые общие мотивы. Таковыми являются скорая гибель языческого мира, возрождение царства Израиля, основание «Нового Иерусалима», воскресение мертвых, наступление страшного суда и тысячелетнего царства (хилиазм), связанного с пришествием Мессии. В более ранних пророчествах речь идет главным образом о возрождении Израиля, между тем как в поздних сочинениях чаще говорится о будущем царстве всех людей, об избавлении Мессией всего человечества от страданий и полном переустройстве человеческой природы.

Отчетливее всего эти мессианские чаяния, представлявшие собой отражение в религии классовой борьбы и борьбы за независимость, выступают в Апокалипсисе (откровении) Баруха и четвертой книге Езры, написанных в последние десятилетия I века нашей эры. Основная мысль Апокалипсиса Баруха — скорое наступление конца мира и пришествие Мессии.

Мессианские идеи нашли свое отражение и в памятниках христианской письменности, в особенности в древнейшем из них — «Апокалипсисе Иоанна», с острова Патмоса, написанном непосредственно в период разру-

шения Иерусалима Титом. Составитель богооткровенной книги полон горячего сочувствия иудеям, предвещая скорое падение Рима — «вавилонской блудницы». Падение Рима описывается в духе древних апокалипсисов и пророческих проповедей. «Семь чаш гнева божия выльется на землю... Дым мучения жителей нечестивого Вавилона (Рима. — В. С.) будет восходить во веки веков, и они не будут иметь покоя ни днем, ни ночью; на людях появятся жестокие и отвратительные раны, солнце будет жечь людей огнем, затем померкнет солнце и люди от страдания будут кусать свои языки, разразятся молнии и громы, земля потрясется». В результате всех бед и ужасов падет нечистый город Рим, а его место займет святой город — «Новый Иерусалим».

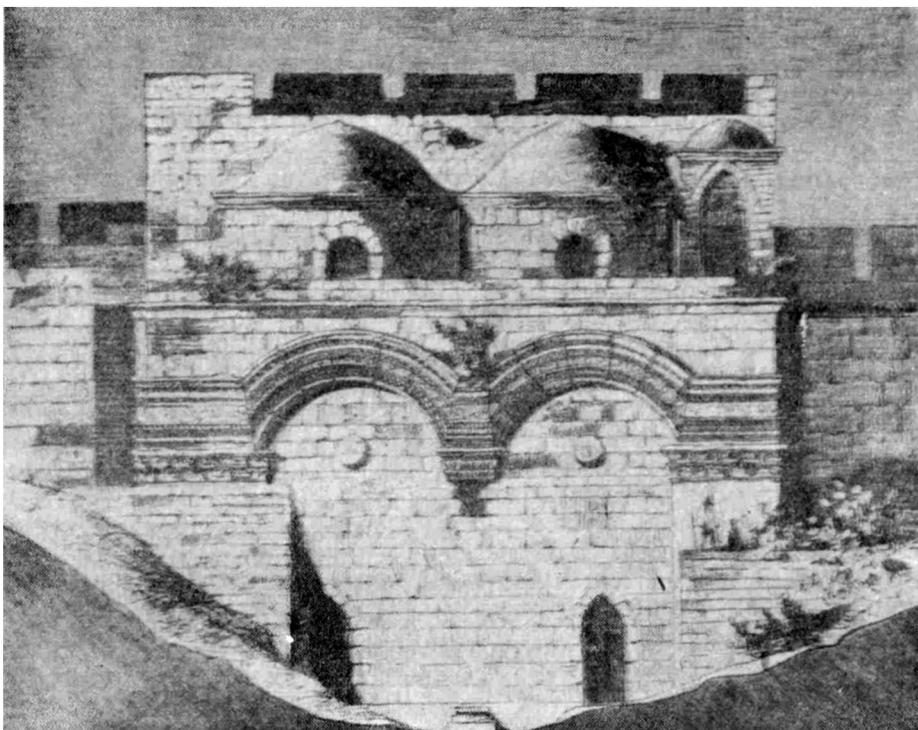
Новое царство изображается в ослепительных фантастических красках. Стены города «Нового Иерусалима» будут украшены драгоценными камнями: сапфиром, смарагдом, сардоником, хризолитом, бериллом, топазом и другими. Но право на «древо жизни» и на вход в ворота города получают лишь те «блаженные», которые соблюдают заповеди божии, не поддаются соблазну и творят правду.

Подобно еврейским апокалипсисам в древнейших христианских памятниках основание нового (тысячелетнего) царства мыслилось делом Мессии, царя или пророка.

В период господства Рима образ Мессии рисовался по образу всемогущего римского императора. Христианский Мессия, «славный воин», стоя во главе святой милиции (*Sacra militia*), сокрушит власть римского цезаря, подобно тому как этот последний сокрушал царства других народов.

3

Ранняя история христианства почти неизвестна. Передаваемые церковной историей факты из жизни Иисуса и его учеников, или апостолов, равно как и сама личность Иисуса, современной наукой отрицаются. Наиболее радикальные представители западной науки: голландцы Ломан, ван-Манен и американец Бенджамен Смит — приходят к заключению, что среди

Золотые ворота Иерусалимского храма.

По Дюрри.

священных книг христианства (Нового завета) нет ни одного подлинного сочинения, что в действительности не было ни Иисуса, ни Павла, ни Иоанна крестителя. Все эти образы созданы в более позднее время и уже затем расставлены по своим историческим местам. И эту точку зрения на современном этапе науки следует признать наиболее правильной.

Христианство возникло в I столетии нашей эры, будучи одной из многочисленных иудейских сект — сектой назареев. История христианства есть история возникновения христианских общин, их освобождения от специфически иудейских элементов, развития христианства в мировую религию Римской империи и слияния общин в христианскую церковь¹.

¹ Источниками по истории христианских общин являются: «Послания апостолов», в особенности «Послания Павла», «Деяния апостолов», «Учение XII апостолов» (Дидахе), «Пастырь» Ермы, три первых евангелиста (синоптики), «Пастырские послания», «Конституция апостолов» и др. Капитальными сочинениями по истории распространения христианства служит произведение Адольфа Гарнака

Христианские общины имелись почти во всех крупных торгово-ремесленных городах Средиземноморья, в которых проживали евреи: в Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Коринфе, Риме, Пuteолах и т. д. В европейских кварталах больших городов Средиземноморья собственно и возникли первые организации христиан. Вначале на христиан смотрели как на иудейскую секту и свое презрительное отношение к евреям переносили на христиан.

Первое время христианские общины почти ничем не отличались от других сект и объединений. Каждая община жила своей собственной жизнью и руководствовалась своими правилами. Общим между христианскими сектами была вера в мессию-искупителя Иисуса, в близкое наступление царства божия, в загробное воздаяние. Лишь во II веке была разработана христианская мифология и созданы мифы о земной жизни бога Иисуса

«Миссия и распространение христианства» и книга Эмиля Шюрера «История иудейского народа в эпоху Иисуса Христа».

Христа, по церковному преданию, родившегося в Палестине, в г. Вифлееме, осужденного еврейским синедрионом, распятого при наместнике Пилате в царствование Тиберия и на третий день воскресшего.

Подобно всем сектантам, христиане считали себя богоизбранными, святыми людьми, осеняемыми высшим вдохновением — святым духом. Число членов, неодинаковое в различных общинах, первое время вообще было невелико.

«Где двое или трое собираются во имя мое, там и я нахожусь среди них», — читаем в Евангелии Матфея.

Никакой организации в ранний период, собственно говоря, и не было. Входившие в состав общин «почитатели Христа» называли себя братьями и сестрами, считались равноправными, одинаково «богowedхновенными». Каждый верующий, «святой», был учителем, проповедником, пророком и слугой, находясь под воздействием высшей силы (*charisma*), осенявшей его в данный момент (*харисма* — состояние экстаза, получаемого непосредственно свыше или же через особые, религиозно-мистические действия).

Вступавшие в общину члены проходили обряд очищения. Символом очищения от первородного греха служило крещение, или омывание водой. Главную часть собраний во имя Христа составляли «вечеры любви», совместные трапезы, проповеди, чтение и толкование «священного писания».

Социальный состав христианских общин с самого начала не был однородным, но, бесспорно, в них преобладали представители низших классов: рабы, вольноотпущенники и близкие к ним по своему социальному положению и настроению свободные.

«Из каких людей рекрутировались первые христиане? Преимущественно из «удрученных и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и подобает революционному элементу. Из кого же состояли последние? В городах — из разорившихся свободных — людей из всех слоев народов, подобно «*mean whites*» * южных рабовладельческих штатов или

европейским бродягам и авантюристам колониальных и китайских портов, затем — из вольноотпущенников и главным образом рабов; в латифундиях Италии, Сицилии и Африки и в сельских округах провинций — из мелких крестьян, все более и более попадавших в кабалу из-за долгов»¹.

Для отчаявшихся людей, не видевших никакого другого выхода, «небесное царство», «Новый Иерусалим», разрисованный столь блестящими красками иудейскими и христианскими апокалиптиками, должны были казаться особенно привлекательными. Не меньшей притягательной силой обладало также сознание бессмертия и духовного превосходства над другими людьми и возможность освободиться от тяжелых условий жизни если не на земле, то по крайней мере хотя бы на небе.

«Где же был выход, где спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? ... При тогдашнем положении вещей он мог быть лишь религиозным. И вот открылся другой мир. Дальнейшее существование души после смерти тела стало по-прежнему в римском мире общепринятым символом веры. Точно так же все больше и больше распространялась вера в то, что умершие души ждут награды или наказания за совершенное ими на земле. Впрочем, награда представлялась довольно сомнительной...»².

Отношение христиан к существующему строю неопределенно и противоречиво. Христианская литература: евангелия, апостольские послания, защитительные речи (апологии), проповеди (гомалии) и др. — отрицает существующий строй постольку, поскольку она отрицает мир вообще, культуру, право, учреждения и всю земную жизнь. Конечно, никакой революционности в этом слишком общем отрицании не было. «Не любите мира, ни того, что в миру: кто любит мир, в том нет любви к богу», — говорит апостол Иоанн. — Ибо все, что

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 34.

² Там же, стр. 35.

* Белым из низших классов.

Продавцы вина. Помпеи.

в мире, — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть от отца, но от мира сего».

В мире царит одно сплошное зло: богатство, слава, почести, звания и т. д. — все это пустая суета. «Мир, — говорится в «Послании к мученикам» Тертуллиана, — носит тягчайшие цепи, изнуряющие душу. Мир преисполнен вредных испарений, это соблазн распутства и сладострастия».

Из приведенной цитаты видно, что христианский нигилизм, отражавший взгляды римских низов, не имеет ничего общего с подлинной революционной идеологией. Несмотря на воинственную фразеологию (в частности в Апокалипсисе) на практике христиане признавали существующий строй, не отрицали также и рабства.

«Каждый пусть остается в том звании, в котором он в настоящее время находится», — говорится в послании Павла к Коринфской общине. Кто принял христианство рабом, тот пусть им и остается. Христиане не преследовали никаких политических целей и не имели никакой социальной программы.

Отрицанием земных ценностей и перенесением идеала с земли на небо христианство сглаживало классовые

противоречия, освящая и укрепляя тем самым существующие порядки. «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество»¹.

Реакционное значение имела и имеет проповедуемая христианами любовь к ближнему. «Эта любовь раскрывается в сентиментальных фразах, которые не могут устранить действительных, фактических отношений; она усыпляет человека той теплой сентиментальной размазней, которой она его кормит»².

По времени христианство было самой последней религией античного мира и наиболее приспособленной к новым условиям. Христианская религия, зародившаяся в I веке империи, была столь же универсальна, космополитична и синкретична, как и сама породившая ее империя.

Одним из преимуществ христианской религии по сравнению с другими современными ей религиями была упрощенность христианского культа.

¹ К. Маркс «Коммунизм рейнского обозревателя». Собр. соч. Т. V, стр. 173. Гиз. 1929.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «О религии и борьбе с нею». Т. I, стр. 211. Гиз. 1933.

В то время когда другие религии требовали от своих членов мелочного исполнения предписываемых обрядов и за несоблюдение их грозили наказанием, в древнем христианстве обрядовая сторона была до последней степени упрощена.

«Христианство,— пишет Энгельс,— не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различий, христианство становится первой возможной мировой религией»¹.

Решающую же роль в истории христианства сыграла организация христианских общин. И в этом отношении христианство шло по путям, проложенным Римской империей и иудаизмом. Внутренняя организация христианских общин имеет много сходных черт с римскими религиозно-профессиональными союзами, колле-

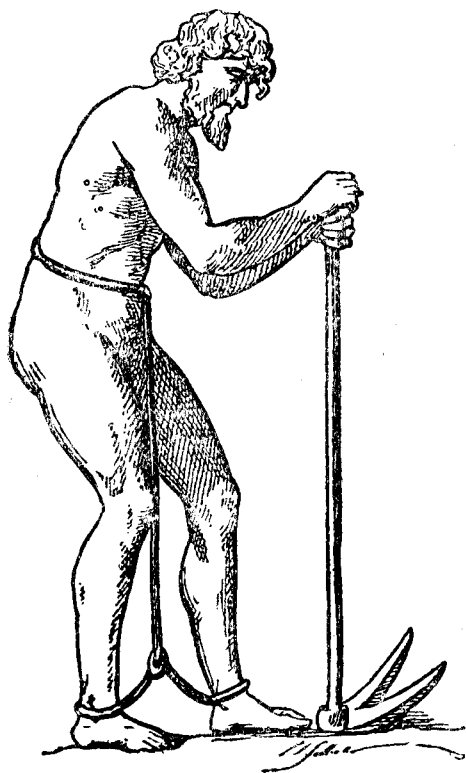
гиями и еврейской синагогой. Общинная организация, наметившаяся уже в половине I века, создавалась в процессе борьбы христианской религии с приверженцами старой веры (язычниками с одной стороны и с разными течениями (сектами) внутри самого христианства — с другой).

История христианства до образования церкви (II век) есть история внутренней борьбы между христианско-иудейскими сектами. Внутриобщинная организация явилась естественным следствием их расширения и усложнения функций «братьев и сестер», входивших в их состав.

Раньше всего выделялась чисто хозяйственная должность диаконов, или служителей. Старые вожди общин (апостолы) жаловались, что они не могут одновременно проповедывать, объяснять «слово божие» и обслуживать общины, собирать приношения, устраивать «вечери любви» и помогать бедным. Это и послужило поводом к образованию специальной выборной коллегии диаконов, заведывавших хозяйственной частью. Для этой цели, по предложению апостолов, было выбрано 7 человек, отличавшихся высокой репутацией.

По образцу коллегии диаконов вскоре возникла другая коллегия—старейших, или пресвитеров, проповедников и толкователей «священного писания». К пресвитерам постепенно и перешло руководство всей общиной. Во II веке из пресвитеров выделился 1-й пресвитер, или епископ. Епископ был казначеем общины, ведал, распоряжался и даже владел церковным имуществом, был официальным представителем общины перед властями. Именно в силу этих своих функций епископы прибрали власть в общинах к своим рукам. Ревнителю «старой веры» (например монтанисты) не признавали главенства епископа. Еще в «Дидахе» епископу отводится второстепенное место «аппаратного» церковнослужителя. Впоследствии попы создали теорию примата епископа.

Вначале епископы выбирались на общинном собрании и находились под непосредственным ее наблюдением. В дальнейшем же это положение ради-

Скованный раб.

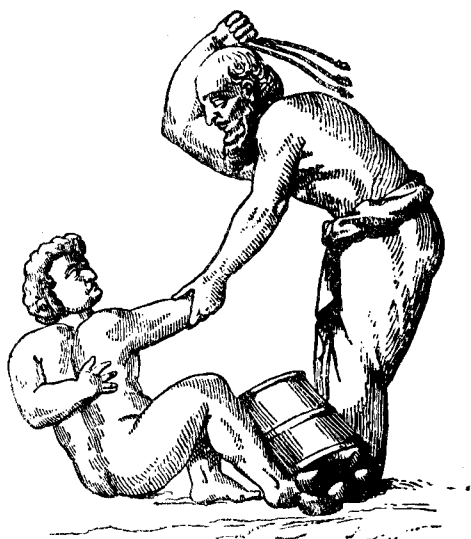
кально изменилось: община верующих растворилась в лице епископа и его помощников — священнослужителей (клира).

Выгодную для клира перемену старались поддержать ссылкой на апостольское предание, согласно которому епископы, пресвитеры и клир якобы существовали раньше общины. Первые пресвитеры были рукоположены самими апостолами по указанию святого духа, и с тех пор благодать божья продолжает пребывать на священнослужителях, в особенности же на главных из них — епископах и пресвитерах.

С точки зрения церковного авторитета, первостепенное значение имело то обстоятельство, что только епископы могли совершать таинство евхаристии (причащения), т. е. самый важный акт христианского культа.

Раздачи милостыни, устройство трапез, приютов, странноприимных домов, распоряжение общинными средствами и т. д. тоже целиком зависело от епископа и подчиненного ему клира. «Кого ненавидит епископ, того должен ненавидеть и весь народ общины. С кем епископ не говорит, с тем не должны говорить и члены общины», — говорится в одном наставлении II века. Епископства объединялись в метрополии, находившиеся в наиболее крупных городах Римской империи: Александрии, Карфагене, Константинополе, Антиохии, Риме и т. д. Из всех епископов и митрополитов по своему влиянию и материальной силе с III века выделяется епископ римской общины, будущий римский папа.

Благодаря своему столичному положению, большому числу членов и богатству римская церковь приобрела господствующее положение среди всех остальных христианских общин. Благодаря пожертвованиям, дарениям, церковным сборам (воскресный сбор) и землям, получаемым по завещанию умерших членов, римская община была богаче других, ссужала им деньги и располагала большим числом служителей. Материальные и организационные преимущества были главной причиной возвышения римской общины среди других христианских

Избиваемый раб. С бронзового сосуда. Помпеи.

общин и римского епископа среди других епископов.

Так было положено начало христианской церкви. В подтверждение законности своих притязаний римские епископы ссылались на авторитет апостолов Петра и Павла, якобы основавших римскую общину. Впоследствии притязания римских епископов были подтверждены императорскими конституциями.

«Мы желаем, чтобы все народы, которыми управляет наша кротость, пребывали в вере, переданной римлянам божественными апостолами Петром и Павлом и которой следует епископ Дамасский»¹.

Все другие христианские общины — церкви — должны признавать авторитет и подчиняться предписаниям римской церкви, продолжающей традиции апостолов.

4

Объединению христианских общин и образованию церкви способствовала внутрицерковная борьба, в особенности борьба с гностиками. Под гностиками разумеют не одну какую-либо определенную секту, а массу самых разнообразных, отчасти христианских, а отчасти нехристианских сект. Общей для всех гностических сект чертой была вера в необходи-

¹ Кодекс Феодосия, XVI, 1, 2.

мость освобождения духа от материи путем экстаза, усвоения тайной науки и отрицания всех земных учреждений, радостей и даже самого смысла жизни.

С учением гностических сект знакомят нас апокрифические, непризнанные церковью евангелия, из которых сохранилось довольно много отрывков.

Некоторые из гностических сект требовали радикальной переоценки всех ценностей.

«Если вы не делаете правое левым и левое правым, — говорится в одном из апокрифических евангелий (египетское евангелие), — верхнее нижним и нижнее верхним, переднее задним и заднее передним, то вы не можете постичь царствия божия».

«Двойственное должно сделаться единым, наружное слиться с внутренним, мужское с женским, не должно быть мужчины и женщины».

Гностики отрицали какую бы то ни было догму и организацию, проповедывали платоновский коммунизм, общность имущества, общность жен (секта Карпократа), отказывались от мясной пищи, проповедывали полный социальный индифферентизм, бедность, аскетизм и т. п. Из гностических вождей наибольшим влиянием пользовались: Карпократ, Маркион, Басилид и Валентин.

Гностические учения больше всего сочувствия находили в низших слоях населения и среди интеллигенции, тяготившейся существующим строем и неудовлетворявшейся официальной религией и философией.

Напротив, более состоятельные элементы сплывались вокруг зарождавшейся христианской церкви и вступали в христианские общины. К концу II века, ко времени образования церкви, социальный состав христианских общин значительно аристократизировался и плутократизировался. Прилив в общины состоятельных элементов оказал свое действие также и на идеологию христиан, в особенности на их отношение к богатству и богатым. В принципе все еще порицая богатство, церковные писатели вместе с тем начинают отмечать и отрицательные стороны бедности.

«Человек, находящийся в стесненном материальном положении, — говорится в сочинении «Пастырь» Ерма (середина II века), — терпит муки, пытки и мучает себя, как закованный в цепи, и многие, очутившись в подобном положении, истерзанные нуждой, налагают на себя руки». Ориген считает бедность результатом слабости человеческой природы и лениности.

«Никто, — говорит он, — не станет без разбора хвалить нищих, из которых большинство по своей жизни люди негоднейшие».

Та же мысль проводится в толковании Амвросия на евангелие Луки: «Не всякая бедность свята, а богатство преступно».

В процессе роста церкви и в борьбе с гностиками создавалась церковная догма, составлялся канон священных книг Нового завета и устанавливались формы культа. Самым актуальным вопросом церковной догматики было обоснование необходимости церкви и епископского авторитета. С теоретическим обоснованием необходимости церкви как духовного посредника между общиной верующих и богом выступил карфагенский епископ Киприан, создавший настоящую теорию власти церкви и епископов. «В самом деле, мы ведь знаем, что существует единый бог, единый владыка Христос, которого мы исповедуем, единый святой дух, следовательно, должен быть и единый епископ»¹. «Без посредничества церкви нет спасения».

Копируя в организационных вопросах империю, в вопросах ритуала церковь повторяла греко-эллинистические обряды. Все, что можно было взять из богатого арсенала языческой религии, христиане брали и выдавали за свое «богооткровенное наследие», приспособляя для своих «божественных» целей чудеса, суеверия, веру в загробную жизнь и т. п.

В основу христианского ритуала положены мистерии, состоящие из посвящений, купаний в чистой воде (крещение), общих трапез, причастний и многое другое. Мистерии совершались при свете свечей, служивших

¹ Киприан «Письма». 49, 2.

символом жизни, смерти и воскрешения. Самой важной частью христианского ритуала считалось причащение, означавшее мистическое соединение человека с богом. Причащение—один из наиболее ярких пережитков анимизма, веры в духов.

Чем больше плутократизировался социальный состав христианских общин и чем больше выветривалась революционная фразеология, тем настойчивее выступало стремление объединения церкви и государства. Однородные по своему социальному составу и организации, церковь и государство шли навстречу друг другу.

Уже в сочинениях церковных апологетов II века проскальзывает идея о возможности совместного существования церкви и империи. Так например Юстин Мученик, церковный писатель первой половины I века, готов признать цезарское государство при условии взаимного признания государством христианской церкви и наказания всех, кто клеветает на христианскую религию и церковь.

Еще далее по пути сближения с государством идет епископ г. Сард—Мелитон, живший при Марке Аврелии (конец II века). В своем трактате об истине, сохранившемся на сирийском языке и посвященном Марку Аврелию, Мелитон перечисляет выгоды, которые принесет государству сближение с церковью.

«Наша вера, — пишет Мелитон, — возникая среди чуждой народности, начала расцветать в провинциях твоего государства при твоём великом предшественнике Августе и принесла государству великие блага. Лучшим доказательством того, что вера наша процветала на благо монархии служит тот факт, что со времени правления Августа ни одно несчастье не постигло вашу державу, напротив, все умножало ее славу и величие».

Только Нерон и Домициан, совращенные злонамеренными людьми, стремились очернить вашу веру. От них и пошла ложь на христиан».

Государство, со своей стороны, шло на сближение с церковью. По мере того как Римская империя превращалась в мировую державу и республиканский строй уступал место

централизованной монархии, римский император силой вещей превращался в абсолютного монарха, сверхчеловека — августа. В провинциях император почитался наравне с богами.

Взгляд на императора как на бога с полной отчетливостью выражен в недавно открытой надписи в г. Приене, сделанной в 9 году до нашей эры и посвященной дню рождения Августа.

В этой надписи император называется «спасителем», «миротворцем», «богом» и т. п. «Этот день (день рождения Августа. — В. С.), — говорится в надписи, — преобразил весь мир. В дне рождения императора начало всей жизни, всех жизненных благ.

Он ниспослан как спаситель нам и будущим поколениям. Великой гражданской смуте наступает конец, все получит великолепное устройство».

После этого уже нетрудно было приравнять императора к идеальному основоположнику христианства—Христу, а самого Христа облечь в императорскую мантию и наделить императорскими атрибутами.

Впоследствии сферы влияний были поделены: за императором оставлена власть на земле, а за Христом — на небе.

Отношение императоров к христианской религии скорее было терпимым чем враждебным. Тиберий, например, предлагал сенату зачислить Иисуса в сонм богов, а императоры из династии Антониев, известные своей религиозной терпимостью, допускали культ Христа наравне со всеми другими религиями.

Таким путем исподволь, в силу внутренней логики, подготовлялось сближение церкви и государства, двух равновеликих организаций рабовладельческого Рима. Обе они были организациями состоятельных классов, не чувствовавших тогда себя достаточно прочно. Идеологическая подготовка началась уже во II столетии, провозглашение же христианства государственной религией состоялось лишь в IV столетии.

Союз церкви с государством состоялся в результате жестокой борьбы между ними, имевшей место во 2-й половине III века и известной под именем христианских гонений.